

За отсутствием состава преступления...

история без купюр

Рафаэль Мустафин

30 октября –
День памяти
жертв
политических
репрессий

Опасная профессия

В 2002 году в Казани вышла книга «В ногу со временем, с историей региона». Её автор – бывший заместитель начальника Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан полковник Рустем Гайнетдинов. В книге приводятся весьма интересные факты, цифры и документы о работе службы безопасности. В частности, здесь есть справка «О работе Комитета госбезопасности Республики Татарстан по реабилитации жертв политических репрессий», составленная в августе 1998 года.

Согласно этому официальному документу, в период с 1917 по 1990 годы судебными, а в основном внесудебными органами республики по обвинению в государственной измене и другим политическим статьям Уголовного кодекса осуждено 43 460 человек (раскулаченные и сосланные в Сибирь на уничтожение в это число не входят). 3 464 из них были приговорены к расстрелу и уничтожены сразу после объявления приговора. Большинство остальных со временем были превращены в лагерную пыль.

Общее же число лиц, подвергшихся в нашей республике различного рода репрессиям, согласно той же книге, пре-

вышает 70 тысяч человек. И это, напоминая, в одной только республике! То, что это – невинные жертвы, признано сегодня самими карательными органами, ибо все они реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

В «Татарском энциклопедическом словаре» 1999 года издания в статье «Репрессии» приводятся несколько иные цифры. Общее число репрессированных по политическим мотивам в период с 1918 по 1954 год оценивается здесь в 150–200 тысяч человек (речь, повторяю, идёт только о нашей республике и без учёта раскулаченных, о большинстве из которых не сохранилось никаких документальных данных). Не вошли в это число и жертвы так называемого красного террора, когда «к стенке» ставили всех мало-мальски подозрительных и напоминающих «буржуев» хотя бы чистой одеждой.

В этой статье прямо говорится, что карательными органами советской власти ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ ПРОВОДИЛОСЬ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛУЧШЕЙ, ДУМАЮЩЕЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ, ОСОБЕННО «КЛАССОВО ЧУЖДЫХ ЭЛЕМЕНТОВ» И «ИНАКОМЫСЛЯЩИХ». Это были и расстрел на месте, особенно в годы Гражданской войны, и заключение в тюрьму, и содержание в специальных концлагерях, и насильственный труд, и различного рода административные наказания в виде отлучения от профессии, запрещения жить в больших городах, конфискации имущества и т. д.

Первый концлагерь на территории республики (тогда ещё Казанской губернии) был создан в 1918 году в Свияжске. Позднее он продолжал существовать под названием «Волжлаг». В следующем 1919 году ещё более вместительный «исправительно-трудовой» лагерь был создан в Казани. А там и пошло. До начала XXI века на территории Татарстана располагались десять колоний для заключённых. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую Чистопольскую тюрьму для политзаключён-

ных. Но больше всего лагерей «архипелага ГУЛАГ» было расположено в соседних Мордовской, Марийской и Коми республиках.

Одной из самых опасных профессий в годы репрессий было ремесло писателя. Вместе с известным писателем и литературоведом, ныне покойным Раисом Даутовым мы подсчитали, что всего репрессиям подверглось около пятидесяти татарских писателей. В первую очередь брали самых знаменитых, самых выдающихся. Так, в августе 1934 года делегатами I съезда писателей СССР были избраны семь самых крупных татарских мастеров пера: Кави Наджми, Хасан Туфан, Лябиб Гильми, Гумер Тулумбайский, Фатих Сайфи-Казанлы, Галимджан Нигмати и Карим Тинчурин. Ни один из них не избежал ареста, пыток, издевательств. Выжили лишь двое (Х. Туфан и К. Наджми), остальные погибли в лагерях или были расстреляны.

В 1938 году из 23 членов и 15 кандидатов в члены Союза писателей Татарстана нетронутыми остались всего 9 человек. Остальных либо расстреляли сразу, либо осудили на длительные сроки заключения. Но помимо Казани, татарских писателей арестовывали и сажали и в других городах и всях – Москве, Уфе, Ленинграде и др.

В неопикуемых муках...

Незабвенный Владимир Ильич писал в своё время: «Кругом со страшным грохотом и треском надламывается и разваливается старое, и рядом в неопикуемых муках рождается новое... России пришлось особенно отчётливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 78–79). Эти сло-

ва цитировались часто, но об упомянутых вождём пролетариата «неописуемых муках» предпочитали не распространяться. Да и кто обрёл Россию на эти муки и страдания, кто толкнул её на крутой перелом истории?

В татарской народной песне (в своё время за неё сажали) поётся:

Ленин-бабай маңгай чәчен
Ал тасма белән үргән.
Кырык яшьтә дөнья болгап,
Илле яшендә үлгән.
(Дедушка Ленин волосы на лбу
Заплетал алой лентой.
В сорок лет он переворошил мир,
А в пятьдесят скончался.)

108

Да, в народе не ошибались насчёт авторства тех «неописуемых мук», превосходящих по своим масштабам гигантские природные катаклизмы вроде землетрясений, цунами или наводнений, на которые обрекла Россию Октябрьская революция.

Эти потрясения особенно болезненно ударили по просвещённой части населения республики. В постановлении совещания ЦК ВКП(б) с работниками национальных республик в июне 1923 года говорится: «Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами». Но это – на словах. А на деле уже с первых лет советской власти шло планомерное уничтожение сначала старой, «буржуазной», а потом и новой «пролетарской» интеллигенции. У многих народов национальных окраин своей интеллигенции действительно не было или были считанные единицы. У татар же она была, причём довольно многочисленная. Но судьба её сложилась трагически. Сейчас общепризнано, что татарская литература, имеющая многовековую историю, но с разгромом Казанского ханства практически задавленная и ушедшая в подполье, после Первой российской революции 1905 года испытала мощный подъём, своего рода ренессанс. Начали издаваться десятки газет и журналов. Причём не только в Казани, но и в

добром десятке других городов – Уфе, Астрахани, Троицке, Москве, Петербурге и др. Оживилось издательское дело. До 1913 года у нас издавалось больше книг на татарском языке, чем в годы советской власти. Писатели начала XX века были подлинными просветителями своего народа, мыслителями широкого плана. Создавались романы и повести на современные темы. Писались и ставились пьесы, возник татарский профессиональный театр. Народный язык, пришедший на смену старописьменному «тюрки», проникал и в лирику, и в прозу, и особенно в драматургию. Возникла своя национальная педагогика, свободная от официальных догм, так как сельские медресе и мектебы содержались на народные деньги. Печатались школьные учебники и хрестоматии на татарском языке.

Большинство татарских писателей в дореволюционные годы были активными участниками революционно-демократических движений или стояли близко к ним. Именно они – прогрессивно мыслящие и демократически настроенные литераторы – направляли литературный процесс в ту эпоху. Особо подчёркиваю, что в дореволюционные годы журналистика и писательское дело достигли в районах компактного проживания татар вполне профессионального уровня. Литература для татарского народа была и политической трибуной, и выражением философской мысли, и своего рода кодексом общественного мнения. Особенно высокого развития достигла поэзия. Под пером гениального Тукая и ряда талантливых поэтов его окружения она стала определяющей формой национальной духовной жизни.

В татарской литературе начала века специалисты выделяют просветительское направление, течение критического реализма, романтизм и даже элементы модернизма и декаданса. Это и неудивительно, ибо практически все татарские писатели знали русский язык и активно приобщались к идеям русской революционной демократии. Они не только старались просвещать свой на-

род и приобщать его к достижениям мировой культуры, но и стояли во главе борьбы против национального гнёта. Признанными лидерами этого национально-демократического движения после Тукая были Гаяз Исхаки и Галимджан Ибрагимов.

Как сложились судьбы татарских писателей, начавших свой творческий путь до Октябрьской революции? Их можно разделить на три группы.

Первая, самая немногочисленная, – так называемые белоэмигранты: Гаяз Исхаки, Заки Валиди, Садри Максуди и др. Они потеряли родину, читателя, прежний авторитет и влияние, зато сохранили жизнь и дожили до глубокой старости.

Вторая – внутренние эмигранты, те, кто не смог или не захотел уехать. Это Ф. Амирхан, Дэрдменд, Дж. Валиди, Г. Рахим, С. Джалалял и некоторые другие. Они не приняли новую власть и не подлаживались под неё. Они тоже вынуждены были отойти от литературы. Но это не спасло их от репрессий. Арестов избежали только те, кто «своевременно» умер своей смертью или затерялся где-нибудь в пустынях Средней Азии.

И, наконец, третья, самая многочисленная группа – те, кто нашёл общий язык с новой властью: М. Гафури, Г. Ибрагимов, Г. Камал, Ш. Камал и др. Большинству из них тоже не удалось избежать репрессий. В двадцатые годы минувшего века, когда восторжествовали рапповские взгляды «классового подхода» к литературному процессу, идея преемственности литературного движения начисто отвергалась. Те, кто стоял за продолжение лучших демократических традиций национальной литературы, были объявлены сторонниками «теории единого потока». Новоявленные адепты «пролетарской литературы» утверждали, что нельзя, мол, воспринимать дореволюционную литературу без социальной дифференциации, исходя только из национальной принадлежности. По их мнению, вместе с прежней литературой в массы проникают и идеи

прошлого. Больше того, безапелляционно заявлялось, что все, кто печатался в буржуазных газетах и издательствах, «не может не быть буржуазным писателем». Тем самым готовились и теоретические обоснования массовых репрессий прежней национальной интеллигенции.

Впрочем, было бы неправомерно сваливать все наступившие вскоре беды только на пролеткультистов и рапповцев. Да, их организации в Татарстане причинили немало общественного вреда и человеческого горя. Но за всем этим стояла политика большевистской партии и реальная практика её карательного органа – ГПУ. Тут мне хочется привести ещё одну цитату из «вечно живого» ленинского наследия: «Мы, большевики, ведя русский народ на революцию, прекрасно знали, что эта революция будет мучительной, знали, что мы понесём миллионы жертв, но мы знали, что трудящиеся массы всех стран будут за нас и что наша правда, разоблачив всю ложь, будет всё больше и больше побеждать» (В.И. Ленин. ПСС. Т. 40. С. 173).

Из ленинских слов вытекает, что большевики прекрасно знали, на что идут. Знали, что потребуются «миллионы жертв». Но готовы были пойти на это ради «прекрасного будущего». А вот сейчас мы, представители этого «прекрасного будущего», осуждаем эту политику и считаем, что никакая высокая цель не оправдывает преступные средства.

Так вот – о жертвах, безвинных и напрасных, коих и вправду были миллионы.

Первые жертвы режима

Вспоминается давний разговор с Хасаном Туфаном. Говоря о дореволюционной татарской поэзии, я неосторожно заметил: «Кого в те годы можно было

поставить рядом с Тукаем? Никого!» Хасан-абый встрепенулся: «Как никого? А Бабич? На мой взгляд, он по силе своего таланта ничуть не уступал Тукаю, а в дальнейшем мог бы и превзойти его. Если бы не погиб в 24 года...»

В «Краткой энциклопедии Башкортостана» Шаехзаде Бабич назван «классиком национальной поэзии», продолжателем традиций Тукая и Дэрдменда, одним из первых, кто начал писать стихи не только на татарском, но и на башкирском языке. А о его трагической гибели сообщается так: «28 марта 1919 года в с. Зилаир по произволу командиров Красной армии был зверски убит». Эта гибель последовала спустя месяц после того, как Бабич напечатал в виде листовок своё стихотворное послание к башкирскому народу, в котором призывал башкирское войско перейти на сторону большевиков. Но оговаривался при этом, что большевики залили кровью всю Башкирию и верить им можно с трудом. За что и поплатился.

Другим значительным поэтом из ближайшего окружения Тукая татарское литературоведение считает Сагита Сунчелея. Он был не только одним из лучших друзей Габдуллы, но и замечательным поэтом романтического склада. Именно ему критики того времени прочили лавры первого поэта дореволюционной поры и продолжателя тукаевских традиций. И именно он, Сагит Сунчелей, выразивший полную готовность сотрудничать с большевистским режимом и напечатавший несколько сборников революционных стихов, стал одной из первых жертв сталинского режима. Первый раз его арестовали в 1927 году, обвинив в «султангалиевщине». Выпустили за отсутствием улик. А в 1929 году «замели» уже основательно, судили на закрытой коллегии ОГПУ (без привлечения сторон, то есть без адвокатов и даже каких-либо свидетелей или документов) и приговорили к высшей мере наказания. Тогда, правда, приговоры ещё не приводились в исполнение немедленно. Высшая власть, сми-

лотивившись, заменила расстрел на десять лет «исправительных работ». Но в 1937 году, когда срок заключения Сунчелея на Соловках уже подходил к концу, его расстреляли вместе с другими «султангалиевцами».

Всего по сфабрикованному делу «султангалиевцев» в первую волну репрессий было арестовано 77 человек. Среди них, помимо Сунчелея, были также известные татарские литераторы, как Ф. Агеев, Х. Атласи, Г. Мансуров, И. Терегулов, Гальгаф (Нургали Галеев) и др. Судьба всех сложилась трагически, никто из них не выжил.

Писатель Рабит Батулла проследил судьбу другого ближайшего друга Тукая, поэта, прозаика, драматурга и публициста Хабира Бакира. Именно он, Х. Бакир, в годы первой русской революции организовал выпуск первой газеты на татарском языке «Нур». А после революции, оценив обстановку, отошёл от литературы и уехал в Среднюю Азию. Но недремлющее око ГПУ разыскало его и в 1926 году арестовало. Поначалу его сослали в Минусинск, и Х. Бакир «имел честь» жить в том самом доме, где когда-то отбывал ссылку Ленин. Отбыв срок, вернулся к родным. Но спустя пару лет его снова арестовали и отправили на Соловки. Каким-то чудом Х. Бакир выжил, полностью отбыл свой срок. Но домой вернуться ему не дали, снова отправили – теперь уже в сибирскую ссылку. После неё он вернулся в Самару к жене и детям, но здоровье его было подорвано. Он долго болел и в 1944 году скончался. Как рассказывают родные, через несколько дней после похорон энкавэдэшники снова заявили к нему домой, чтобы арестовать «классового врага». Но маленько опоздали...

Среди немногих чудом выживших «султангалиевцев» – знаменитый скульптор и художник Баки Урманче и литератор-публицист и общественный деятель Махмут Будаيلي. Урманче выжил благодаря тому, что, отсидев свой срок на Соловках, уехал в Среднюю Азию, переезжал с места на место и как-то

сумел избежать повторного ареста. А Будаили в общей сложности провёл в заключении и ссылке четверть века. Я встречался с ним в шестидесятые годы, и он рассказывал мне, что был осуждён на вечную ссылку. Фактически – на полное уничтожение. Но он либо устраивался куда-нибудь бухгалтером, либо, если не было работы, шёл прилаком к какой-нибудь многодетной вдове. Уполномоченный КГБ, видя, что он всё ещё жив, срывал его с насиженного места и отсылал в другой глухой угол. А он находил другую вдову – их в Сибири тоже хватало. Так и выжил...

Дело «султангалиевцев» непосредственно коснулось и моей семьи. Мой дядя, родной брат отца моей матери Исхак Амиров, бедняк из бедняков, был одним из самых первых активистов села Керале Камско-Устьинского кантона Татарии. Он ратовал за новую власть, боролся с баями, разоблачал мулл. Создал первую в кантоне комсомольскую, а затем и партийную ячейку. Его заметили, взяли в обком партии. А в 1929 году арестовали, и он сгинул бесследно. Вся его вина заключалась в том, что некоторое время он работал под началом Мирсаида Султан-Галиева – личного врага Сталина. Мама рассказывает, что её любимый Исхак-абый только что женился на изумительно красивой, умной и покладистой девушке. После ареста мужа её выгнали с работы, выселили из казанской квартиры, допрашивали и тоже собирались арестовать. А она всем сердцем любила мужа и от горя тихо помешалась. Скиталась по вокзалам и базарам и где-то пропала. Сколько было таких трагедий – не счесть. Позднее, во время новой, куда более мощной волны арестов середины тридцатых годов по надуманному обвинению в «султангалиевщине» были арестованы, расстреляны и превращены в лагерную пыль уже многие тысячи...

Татарский «философский пароход»

Как известно, почти всю думающую верхушку российской интеллигенции по распоряжению Ленина выселили из страны на знаменитом «философском пароходе». Причём пароход был не один...

У нас в Татарстане роль такого «парохода» сыграли органы ГПУ, которые провели в конце двадцатых – начале тридцатых годов основательную «чистку» республики от «буржуазной интеллигенции». Это произошло во время всё той же мощной волны арестов вскоре после укрепления диктатуры Сталина (1929–1932 годы). В отличие от второй волны середины тридцатых годов, которая в первую очередь ударила по партийной номенклатуре, во время первой больше всего пострадали представители творческой интеллигенции. В мае 1931 года арестовали таких крупных писателей, начавших свой творческий путь ещё до Октября, как Джамал Валиди, Садри Джалал, Гали Рахим и др. Джамал Валиди, не выдержав пыток, пытался покончить с собой и выбросился из тюремного окна третьего этажа. Но не умер сразу, сильно покалечился и вскоре скончался в тюремной больнице. Садри Джалал и до ареста был тяжело болен – у него был прогрессивный паралич. Его взяли с больной койки и поместили в тюремную лечебницу. Там он и умер. Гали Рахим ослеп в заключении и скончался вскоре после выхода из тюрьмы в нищете и безвестности.

В архивах КГБ сохранилось несколько томов обвинительных материалов по делу этой группы национальной интеллигенции. По ним видно, что в первые послереволюционные годы в республике были «инакомыслящие» – диссиденты 1920-х годов. Они выступали против смены традиционного арабского алфа-

вита на латиницу, за сохранение культурного наследия (один из главных пунктов обвинения), не во всем соглашались с политикой большевиков. В частности, Дж. Валиди на допросах говорил, что он вовсе не против советской власти, но против бессудных арестов, расстрелов и репрессий, так как они не приносят пользы новой власти, а только дискредитируют политику большевистской партии. Не против колхозов, а против насильственной коллективизации раскулачивания. Не против национальной политики партии, а против ее искажения, выражающегося в полном искоренении всего дореволюционного прошлого. И с национальной интеллигенцией, по его мнению, надо бы обращаться потактичнее, побережней, так как она не имеет никакого отношения к вредительству и готова сотрудничать с новой властью. Всё это было истолковано следствием как антисоветская пропаганда.

В годы советской власти в научных трудах и учебниках, написанных уже после реабилитации Дж. Валиди, с сожалением отмечалось, что он не был революционером-демократом, как многие другие татарские писатели. Это верно. Во время допросов на следствии писатель прямо говорил, что, по его мнению, всякая революция преступна и безнравственна. В том числе и Октябрьская. Он полагал, что, по возможности, надо избегать такого рода катаклизмов. Кроме трагедий для целых поколений простых людей они ничего не приносят.

Думаю, если бы остался жив Тукай, его ожидала бы примерно та же участь – он придерживался такого же мнения.

Иногда говорят, что у нас не было альтернативы и Октябрьская революция со всеми её бедами, голодомором и взаимными убийствами была фатально неизбежной. Но дело Дж. Валиди убеждает, что альтернатива была. Страна вполне могла пойти другим путем, менее болезненным и более плодотворным. Выбрали наихудший вариант из всех возможных.

В эту волну арестов попали практически все писатели, начавшие свой творческий путь в дооктябрьские годы, за исключением тех, повторю, кто сумел эмигрировать за границу или бежать куда-нибудь в отдаленные среднеазиатские кишлаки, где ещё не было паспортной системы. Это были талантливые писатели, своеобразно мыслящие, одержимые стремлением служить своему народу, но в одночасье оказавшиеся вне закона. С ними могли делать все, что угодно, – травить в печати, вытирать о них ноги, убивать сначала морально, а потом и физически.

Читаешь периодическую прессу тех лет и видишь, как не в меру рьяные сторонники новой власти обкладывают их со всех сторон, как волков. Кое-кто пытался нажать себе политический капитал на их травле, не думая о том, что вскоре наступит и его черед...

Но разносные статьи – это ещё не самое страшное. Страшное наступило, когда дело взяло в свои руки ГПУ.

Я давно догадывался, что эти аресты проводились планомерно и целенаправленно. Мои подозрения вскоре подтвердились, хотя и неофициальными источниками.

Лет десять назад я лежал в больнице и оказался в одной палате с дряхлым стариком, которому тогда было уже далеко за восемьдесят. Старик поразила меня своим прекрасным знанием татарской литературы, особенно старой, дореволюционной. Он помнил не только чуть ли не все конкретные произведения писателей, но даже такие факты их биографии, которые не найдешь и в специальной литературе.

О своём прошлом старик говорил неохотно. Но всё же выяснилось, что он был штатным сотрудником «органов». В минуты откровенности старик признался, что вырос в зажиточной крестьянской семье, учился в медресе, много читал и вообще интересовался литературой. В годы коллективизации их семью раскулачили и сослали в Сибирь на уничтожение. Никто из этой многодетной трудовой семьи, кроме

него, не выжил. А он выжил только потому, что вскоре после ареста с ним беседовал один из высокопоставленных сотрудников ГПУ. Выяснил, что он знает арабский шрифт, разбирается в татарской литературе, и предложил пойти к ним на службу.

Выбора у него не было, и он согласился. «Я никого не расстреливал, не пытал и даже не допрашивал, – говорил старик. – Я только читал старые книги, газеты, журналы и выявлял тех, кто печатался в «буржуазной прессе». А что было потом, это меня уже не касается...».

ГПУ, в свою очередь, было лишь карательным орудием в руках руководящей и направляющей партии. Она же проводила в Татарстане весьма тонкую политику: разделить национальную интеллигенцию на «правых» и «левых», стравить их между собой так, чтобы руками одних расправиться с другими. А потом разделаться с «правыми» за то, что они «правые», с «левыми» – за то, что они «левые». Кстати говоря, Дж. Валиди, судя по материалам его дела, уже тогда чувствовал опасность подобного разделения и не примыкал ни к «правым», ни к «левым». А на вопрос следователя «Почему?» отвечал: «Не вижу между ними особой разницы». Себя и своих арестованных товарищей он называл «писателями, которые были когда-то». Он, правда, писал и в первые годы советской власти. Но его уже не печатали. А во время ареста отобрали 25 килограммов готовых рукописей. Всё это впоследствии исчезло бесследно. Как и предполагал Дж. Валиди, вал времени прошел через их головы и покатился дальше.

Когда я листал несколько томов крепко сшитых и пронумерованных документов обвинительного дела, я размышлял о верящих и неверящих. Верящие впоследствии, после разоблачения культа личности, говорили: «Мы верили всему, что нам говорила партия». Иными словами, они были простаками, позволившими оболванить себя. Но в ту же эпоху и при тех же обстоятель-

ствах были и другие, которые шли против течения. И у тех, и у других судьба сложилась в общем-то одинаково. Верящих, то есть «левых», тоже пересажали во второй вал репрессий в середине тридцатых годов. И всё-таки гораздо большее уважение у нас, потомков, вызывают неверящие. Так, Дж. Валиди не захотел жить в таком обществе и предпочел покончить с собой. Он предчувствовал, видимо, что идёт своего рода репетиция, подготовка к большому фарсу, вернее – общенациональной трагедии. В написанной от руки по поручению следователя объяснительной записке Дж. Валиди прямо говорит, что не признаёт теории обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения к будущему коммунистическому обществу, поскольку эта теория оправдывает массовые репрессии. Больше того, он не верил в то, что к светлой цели можно прийти через насилие, через горе и несчастье масс.

Точка зрения Дж. Валиди расходится не только с официальной, но и с мировоззрением таких татарских писателей, как Г. Ибрагимов, Х. Такташ, К. Наджми, М. Джалиль и др. Неверящие почти все погибли, но сохранили при этом чувство собственного достоинства. Таковы уроки истории.

Перечитывая сегодня свежим взглядом литературно-критические и публицистические выступления таких ведущих критиков и общественных деятелей того времени, как Г. Ибрагимов, Г. Гали, Г. Нигмати, Г. Тулумбайский, Л. Гильми и др., ясно видишь оправдание и даже пропаганду насилия. Революционного, классового, благородного, пролетарского, но всё-таки насилия. А насилие, став легальным, государственным, общепризнанным, приводит к самым непредсказуемым последствиям, оборачиваясь и против тех, кто его провозглашал и культивировал.

Форменное насилие осуществлялось по отношению к служителям религиозного культа. Как стало известно в последние годы, в двадцатых – начале тридцатых годов в СССР было закрыто

14 тысяч мечетей, что составляет 99 процентов от всех существовавших прежде. 30 тысяч мусульманских священнослужителей были лишены гражданских прав, арестованы или сосланы. Подавляющее большинство из них либо сразу были расстреляны, либо погибли в лагерях и тюрьмах. Преследованиям подвергались не только они сами, но и члены их семей. Сын или дочь муллы – это звучало как некое несмываемое клеймо, за которое могли снять с работы, отлучить от любимой профессии, посадить в тюрьму.

Но, пожалуй, самое массовое и ничем не объяснимое насилие применялось по отношению к крестьянству. В годы коллективизации 10 миллионов более или менее зажиточных, то есть самых трудолюбивых, трезвых и смекалистых, крестьянских семей России подверглись раскулачиванию. У них конфисковали все имущество, как движимое, так и недвижимое, а самих вместе с семьями сослали в Сибирь или в другие отдаленные области.

Как правило, эшелоны с раскулаченными выгружали где-нибудь в тайге прямо на снег, помещали в специальные лагеря, огороженные колючей проволокой. Ни в чем неповинные люди, в том числе старики, женщины, малые дети, в массовом порядке гибли от голода и холода. Сам Сталин позднее признавал, что в ходе раскулачивания погибло примерно пять миллионов крестьян. Так уничтожался генофонд нации.

Зуд разоблачительства

У каждой эпохи свой колорит, нравы, обычаи. Самой характерной чертой конца 20-х – начала 30-х годов можно назвать глубоко проникший в сознание зуд разоблачительства. Читая газеты тех лет, диву даешься: кого только не разоблачали «неистовые ревнители» чистоты пролетарской идеологии! И каких только смертных грехов не навешивали!

В качестве наглядного примера можно привести нашумевшую и вошедшую в историю татарской литературы эпопею джидегановцев. Джидеган в переводе с татарского означает «семизвездье». Так у татар называют Большую Медведицу. А в 1929 году так именовали «антисоветскую контрреволюционную» (иные даже добавляли эпитет «фашистскую») группу писателей.

В 1929 году писатели Адель Кутуй и Габдрахман Минский приехали в Уфу. Там же в это время находились Наки Исанбет и Тухфат Ченекай. Встречались с башкирскими писателями, делились планами и замыслами, устраивали дружеские застолья. И вот во время одной из таких пирушек кто-то из писателей предложил: «Давайте жить дружно! Помогать друг другу в издании книг, обмениваться опытом и вообще...». Вот, собственно, и весь криминал.

Ну, собрались, поговорили, выпили изрядно и разъехались. На этом бы, собственно, дело и кончилось, если бы не Т. Ченекай. Этот весьма средний, можно сказать неудавшийся поэт выступил в печати с разоблачительным письмом. Вот, дескать, такие-то и такие-то писатели образовали изолированную «мелкобуржуазную» группу и обязались во всем поддерживать друг друга. А я, мол, против подобной групповщины и обособленности и заявляю о выходе из этой группы.

Что тут началось! Практически вся официальная печать того времени (а другой тогда и не было) подняла дружный крик. Группу тут же объявили заговорщиками, вынашивающими «подлые», «антисоветские» планы. Дело дошло до обкома партии, принявшего по этому поводу специальное постановление. Не остался в стороне и НКВД.

Дело доходило до смешного. В семизвездье, само собой, должно быть семь звезд. А их поначалу было только пятеро: А. Кутуй (его объявили главарем и главным зачинщиком), Т. Минский, Т. Ченекай и башкирские писатели С. Агиш и С. Кудаш. По указанию обкома шестым приписали Наки Исанбета,

Литературный процесс 20–30-х годов

ибо он тоже был в это время в Уфе, хотя и не участвовал в той злополучной пирушке. А вот с седьмым получилась заковыка. Одни предлагали считать седьмым Хади Такташа. Но он не только не был в Уфе, но и сам выступил с решительным разоблачением джидегановцев. Не пожалел даже своего лучшего друга А. Кутуя. И вот критики и писатели упражняются в том, кого считать седьмым: Ф. Бурнаша или М. Будаили, Гальгафа или Г. Рахима? Почти два года татарская пресса шумела об этом...

Однако самим джидегановцам было не до смеха. Их не только полоскали в печати, обвиняя во всех смертных грехах, но и сняли с работы, перестали печатать, а затем и арестовали. В тюрьме их старательно и умело стравливали друг с другом, заставляя давать разоблачительные показания. Внушали: если ты не разоблачаешь других значит, сам замаскировавшийся враг. Мало кто мог устоять против такого напора в тюремной камере, под угрозой расстрела... Эти показания теперь опубликованы и рисуют весьма неприглядную картину...

Но как ни старались заплечных дел мастера, обвинить джидегановцев практически было не в чем. Никто из них ни сном ни духом ни о чем крамольном даже не заикался. Дело кончилось пшиком: всех арестованных оправдали и выпустили из тюрьмы. Но биографии им успели подпортить – джидегановцев долго не печатали, не брали на работу, многие вынуждены были уехать из Казани.

А НКВД из этого неудачного опыта сделало единственно приемлемый вывод: если хочешь обвинить кого-то, не надо доискиваться истины. Главное – добиться личного признания. Любой ценой!

Когда сейчас, спустя три четверти века, листаешь пожелтевшие газетные подшивки конца 20-х – начала 30-х годов, создается впечатление, что писатели сами готовили почву для большого террора.

Один из «неистовых ревнителей» чистоты пролетарской идеологии Кави Наджми в одном из своих выступлений разделил всех своих коллег по перу на две группы (статья «В татарской пролетарской литературе начался великий перелом» / «Татар пролетар әдәбиятында бәек борылыш башланды». См.: Атака. 1930. № 8–9.). В группу «А», то есть «чистых», или «левых», он включил писателей, начавших свой путь еще до Октября, но безоговорочно принявших советскую власть. Это Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи-Казанлы, Ш. Камал, М. Гали, К. Тинчурин и др. В группу «Б» («нечистые», или «правые») вошли Ф. Амирхан, Дәрдменд, С. Рамиев, Н. Думави, Н. Исанбет, С. Джалал, Т. Ченекай и др.

По логике его рассуждений получалось, что право на существование в литературе имеют только писатели группы «А», плюс молодые пролетарские писатели, к которым он причислял себя и некоторых своих товарищей по перу. Писателей же группы «Б» он назвал буржуазными, всем ходом истории обреченными на гибель. Скорее всего К. Наджми имел в виду не физическое уничтожение коллег по перу. Но многие его положения и выводы впоследствии прямоиком перекочевали в обвинительные заключения.

Кави Наджми был вовсе не одинок и не оригинален в своих рассуждениях. Так, критик Г. Нигмати, анализируя в одной из своих статей дореволюционные и послереволюционные произведения Г. Газиза, М. Гали, С. Джалала и

ряда других, пришел к выводу, что «революцией от их произведений даже не пахнет». В общем-то он был недалек от истины. Но в те годы эта истина звучала как смертный приговор. С Нигмати был полностью солидарен другой крупный писатель и общественный деятель той эпохи Ф. Сайфи-Казанлы. Он считал, что часть дореволюционных татарских писателей «осталась по ту сторону баррикад» и с ними надо беспощадно бороться. Называл конкретные имена. Другую часть Сайфи-Казанлы относил к внутренней эмиграции и также отлучал их от литературы, ибо они, по его словам, «хотят использовать плоды пролетарской революции в своих буржуазных целях». К этому хору присоединились многие видные деятели той эпохи – С. Атнагулов, Г. Тулумбайский, даже Г. Ибрагимов. Во многих выступлениях предлагалось расширить список «нечистых», присоединив к ним Ф. Карими, Г. Газиза, Г. Рахима, Г. Ша-рафа и др.

Возникает вопрос: что двигало разоблачителями? Приспособленчество, карьеризм, желание погреть руки на костре классовой борьбы? Или же искреннее заблуждение, подлинная вера в идеалы пролетарской революции? Вероятно, и то, и другое. Причем в каждом конкретном случае это соотношение было различным. Были и просто запуганные, вынужденные примкнуть к общему течению.

Как уже говорилось выше, судьба как «чистых», так и «нечистых» сложилась примерно одинаково, просто одни раньше попали под жернова репрессий, другие чуть позже. Шанс выжить получили лишь те, кто своевременно «залег на дно» и уехал подальше: Н. Думави, М. Укмаси, З. Ярмэки и др. Они сохранили жизнь, но убили в себе литераторов. Впрочем, и это не всегда помогало. Так, известный писатель З.Башири после революции почти полностью отошел от литературного творчества, уехал сначала в Казахстан, потом в Ташкент, переезжал с места на место. Но караю-

щая рука органов все равно настигла его в 1938 году, он был репрессирован. Впрочем, чудом выжил, дождался реабилитации и умер своей смертью в 1962 году, прожив более семидесяти лет.

Это разделение на «чистых» и «нечистых» позволяет трезвее взглянуть на литературный процесс тех лет, яснее увидеть дежурный оптимизм официальной литературы и молчаливый протест немногих. Казенного единомыслия в двадцатые годы не было. Более того, существовало нравственное сопротивление установлению тоталитарного режима и диктаторской власти Сталина. Дореволюционное поколение татарских писателей мыслило более здраво, чем послереволюционное. У них не было показного энтузиазма и готовности кричать «ура!», вытанувшись по стойке смирно.

«Чистые» же придерживались совсем другой этики, полагали, что всё «буржуазное», старое, отжившее должно быть беспощадно отброшено, как чуждое «гегемону революции». Они исходили из того, что защита классовых интересов оправдывает все – любую гнусность, убийства, преступления против человечества. Многие из них хотели нажать себе политический капитал на разоблачении «классово чуждых элементов». Но при этом не подозревали, что роют могилу самим себе.

«Нечистые» тоже испытывали страх перед карающей рукой режима. Однако этот страх не парализовал их душу. И они, рискуя жизнью, пытались сохранить человеческий облик, отстаивать общечеловеческие ценности, противостоять произволу и начавшемуся беззаконию хотя бы тем, что не поддерживали преследования по классовым мотивам.

Да, они тоже вынуждены были порою идти на какие-то компромиссы, но лишь до определенного предела, дальше которого начиналась уже потеря достоинства, разрушение личности. На это они не шли. Но именно тех, кто не терпел дежурной фальши, вырезали в первую очередь.

Вторая волна

После того как старую интеллигенцию, в том числе писателей, начавших свой творческий путь до революции, практически почти всю пересадили и частично уничтожили, настала очередь новой «пролетарской» творческой элиты.

Во второй половине 20-х годов на небосклоне татарской литературы, по меткому замечанию талантливой критика Галимджана Нигмати (впоследствии также ставшего жертвой репрессий и погибшего в сталинских лагерях), блистало пять наиболее ярких звезд. Это Кави Наджми, Хади Такташ, Хасан Туфан, Гумер Тулумбайский, Адель Кутуй.

Хади Такташ умер своей смертью ещё в 1931 году и тем самым избежал репрессий (хотя в свое время его «разоблачали», называли «кулацким соловьем», судили на литературных судах, не раз снимали с работы и подвергали всяческим преследованиям). Адель Кутуй был также «разоблачен» как «джи-дегановец» и в тридцатые годы практически отошёл от литературы. Видимо, это его и спасло. Г. Тулумбайский в 1937 году был арестован и погиб в заключении. Х. Туфана арестовали чуть позже, в 1940 году. В Казань он вернулся только в 1956 году, проведя пятнадцать лет в заключении и сибирской ссылке.

Вовсе не случайно, что в этом списке первым назван Кави Наджми. Он и в самом деле был в это время признанным лидером татарских писателей: возглавлял сначала ТАПП (Татарскую ассоциацию пролетарских писателей), затем с 1934 года вновь созданный Союз писателей Татарстана и одновременно редактировал единственный в республике литературный журнал «Атака». К. Наджми выступал на I съезде писателей СССР с докладом о татарской литературе, поддерживал тесные деловые и дружеские связи с такими русскими писателями, как Максим Горький, Алексей Толстой и др. В Постанов-

лении бюро Татарского обкома ВКП(б) от 23 сентября 1930 года он назван «одним из наиболее выдержанных литераторов из татар» и единственным достойным занимать высокий пост руководителя татарской писательской организации. И именно против него было направлено острое удар с началом второй волны репрессий.

27 октября 1936 года бюро Татарского обкома ВКП(б) объявило К. Наджми строгий выговор «за либеральное отношение к примазавшимся к литературному фронту элементам, за отсутствие активной борьбы против идеологических извращений». Дело в том, что аресты среди писателей Татарии в это время уже начались, репрессировали таких «пролетарских» писателей, как Ф. Сайфи-Казанлы, Г. Гали и др. Но сделано это было органами НКВД помимо К. Наджми и даже при его некотором молчаливом сопротивлении. Постановление обкома прямо обязывало председателя писательской организации «систематически и последовательно разоблачать врагов пролетариата, всяческие проявления буржуазного национализма». К слову сказать, авторов этого постановления, включая первых секретарей ОК, тоже вскоре арестовали и расстреляли.

Тем не менее К. Наджми, при всей своей идеологической выдержанности и преданности советской власти, не желал включаться в раздутую по всей стране кампанию по разоблачению своих коллег по перу и соратников по убеждениям.

Тогда областной комитет ВКП(б) создал специальную комиссию во главе с Тухфатом Имамединовым. В нее вошли старейший писатель Шариф Камал и двое более молодых «ревнителей»: Лябиб Гильми и Газиз Иделле (Усманов). Комиссия работала целых три месяца. Копались в биографии каждого, взвешивали каждое слово, пытались отыскать в нём скрытый антисоветский смысл. Ш. Камал не особенно усердствовал и редко присутствовал на заседаниях комиссии. Молодые же ста-

рались всюю. Впрочем, им это не помогло – оба были впоследствии репрессированы как враги народа.

Результаты работы комиссии обкома обсуждались на писательском собрании, которое продолжалось с 28 апреля по 5 мая 1937 года. Это было самое продолжительное и самое грязное собрание в истории нашей писательской организации. Когда читаешь протокол этого собрания, волосы встают дыбом – в чём только не обвиняли писатели друг друга! Скажем, тому же К. Наджми в докладе Т. Имаметдинова было предъявлено тридцать пунктов обвинения – от чуждого классового происхождения до пропаганды антисоветских настроений в художественных произведениях. Эти обвинения поддержал писатель Фатих Хусни (он выступал дважды), прямо назвавший К.Наджми «антисоветчиком» и «контрреволюционером». Помимо К.Наджми, такой же острой критике подверглись Х. Туфан, Г.Тулумбайский, А. Файзи, Ф. Карим, М. Джалиль и др. Вскоре их всех сначала исключили из Союза писателей, а потом и арестовали (за исключением А. Файзи и М. Джалиля, поскольку они жили в то время в Москве).

1937 год – чёрный год для молодой татарской советской литературы. В этот год арестовали три состава правления СП. Сначала правление во главе с К. Наджми. После него председателем поставили одного из самых активных разоблачителей – молодого и не в меру прыткого Л. Гильми. Через несколько месяцев забрали членов правления во главе с Л. Гильми, а его самого быстро расстреляли. Председателем правления был избран Мирсай Амир. К концу года арестовали и этот состав во главе с председателем Союза.

В чем же конкретно обвиняли писателей? Либо в «буржуазном национализме», либо в шпионаже в пользу империалистических держав (Германии, Англии, Франции, Японии), либо в подготовке «военного контрреволюционного мятежа» (К. Наджми, М. Амира и др.). Уцелели немногие...

В эту безнравственную эпоху многие писатели вели себя тоже безнравственно: писали друг на друга доносы, выступали с разоблачительными статьями в печати, всячески демонстрируя «революционную бдительность» и «классовую нетерпимость». Каждый втайне рассчитывал: лучше быть разоблачителем, чем разоблачённым. В результате гибли все, ибо «органам» только это и было нужно.

Вот конкретный пример. В архиве Союза писателей СССР сохранилось письмо Наки Исанбета, озаглавленное «О ликвидации вредительства в татарской литературе» и адресованное одному из секретарей Союза писателей СССР В. Ставскому (именно он ведал в Союзе кадрами и напрямую сотрудничал с НКВД). В этом грязном доносе «вредителями» названы 36 человек, в основном татарские писатели, практически все активно действовавшие в те годы. Вот как, например, автор характеризует Галимджана Ибрагимова, уже тогда признанного «живым классиком».

По словам Н. Исанбета, это «лидер эсеров», который, «сидя в Академическом центре, не только сплывал старые, махровые реакционные силы вроде Дж. Валиди, Г. Сагди, но и готовил, и в этом его основное вредительство, из тогдашних молодых писателей-коммунистов свои кадры. Эти кадры: Г. Гали, К. Наджми, Г. Тулумбай, С. Кудаш, Л. Гильми и др. Все впоследствии оказались врагами народа. С этими кадрами Г. Ибрагимов организовал поход против латинизации, выступил со своими тезисами против сталинского учения о национальной политике».

К слову, письмо написано в самый разгар репрессий 1937 года, когда часть названных им писателей была уже арестована, а часть ещё нет (например, Г. Ибрагимов). Автор письма требует немедленно арестовать и ликвидировать «оставшихся вредителей», в числе которых названы пока что не арестованные М. Амир, М. Галяу, М. Максуд, Хан Джамиль, З. Башири, М. Крымов, С. Кудаш, М. Джалиль, А. Файзи и др.

Доносу Н. Исанбета был дан ход, и большинство из названных им «вредителей на литературном фронте» было арестовано и «ликвидировано».

С этим письмом-доносом я познакомился в конце 80-х годов прошлого века. Наки-ага тогда был тяжело болен, и я не решился травмировать его. Но всё же при случае заговорил об этом с его женой Наджибой-ханум. Как же, мол, так? Такой большой писатель, популярный драматург, учёный-фольклорист, одним словом, энциклопедист, которого в народе называют неформальным академиком, и вдруг – такой грязный донос...

Наджиба-апа признала, что факт этот имел место, но это, мол, был упреждающий удар, своего рода способ самообороны. По её словам, Н. Исанбет в свое время сильно пострадал. Его облыжно разоблачали как джидегановца, выгнали из Союза писателей, не печатали. И вообще в 1937 году он был кандидатом № 1 на арест. Благодаря этому письму органы занялись расследованием других «вредителей», а сам Н. Исанбет уцелел...

Возможно, так же рассуждали и другое доносчики, которых было немало.

«Да, были хуже времена, но не было подлей...»

Я пишу о татарской литературе, но ведь массовые репрессии прокатились по всей стране. По подсчетам критика Ю. Белтова, всего в Союзе под жерновами репрессий погибло свыше тысячи писателей. Больше всего репрессии ударили по писателям национальных республик – примерно три четверти погибших, по словам того же Белтова, составляют писатели союзных и автономных республик. Ещё около тысячи писателей, подвергшихся репрессиям, были сломлены морально и физичес-

ки, но выжили. Татарская литература как-то устояла. Одних сажали, а на смену им приходили другие молодые таланты. А многие литературы малых народов так и не оправились после столь сокрушительного удара. Иногда можно услышать: «Хватит! Сколько можно о репрессиях? Ведь были и задутые дома, и новые прокатные станы... Если бы не железная воля великого вождя, мы вряд ли выиграли бы войну...» Да, у тоталитарного режима были и положительные стороны. Но отрицательное перевешивает. К тому же есть память, память народа. И она взыщет правды, какой бы горькой она ни была.

Сейчас общепризнано, что массовые репрессии стали возможны благодаря узурпации власти Сталиным. Это позволило вождю использовать чекистов в своих политических, а вернее, карьеристских целях, то есть для удержания власти любой ценой. Многие объясняют переходы тем, что Сталин был параноиком, подозрительным, мстительным и недобрым. Именно ему принадлежит ставшее знаменитым выражение: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы». Некоторые историки полагают, что Сталин был платным агентом царской охранки и массовыми репрессиями пытался убрать из жизни всех тех, кто мог знать об этом.

Одними из первых жертв сталинщины стали те чекисты, которые пытались противиться начавшемуся беззаконию. Были таковые и в Татарстане. Так, оперуполномоченный УГБ младший лейтенант Сулейман Аухадеев в октябре 1937 года отказался участвовать в массовых расстрелах политических заключенных. Более того, доложил в Прокуратуру ТАССР о том, что имеются случаи зверского обращения с заключенными, а контроля за органами НКВД нет никакого. Дело кончилось тем, что самого Аухадеева засадили в тюрьму. Материалы об этом уже в годы перестройки обнаружил сотрудник КГБ РТ Р. Кашапов. Он же нашёл в архивах весьма любопытное письмо бывшего наркома

внутренних дел ТАССР В. Михайлова своему заместителю Шелудченко, написанное в самый разгар репрессий конца тридцатых годов. Нарком призывает своего зама увязывать все политические дела со шпионажем вне зависимости от доказательств. «Грош цена будет делу, если не получим выход за кордон, в частности – Японию, Германию...» Далее нарком советует: «Низовку (имеются в виду низовые организации сфабрикованных в Центре антисоветских контрреволюционных групп. – Р.М.) немедленно изъять, причём увязывая в группу человек 150–200. Надо вычистить, вылизать все корни татарского национального фашизма. Надо нанести сокрушительный удар. Одиночек брать только в крайнем случае. Не стоит последними загружаться».

Во второй половине тридцатых годов и в самом деле арестовывали скопом, формируя не существующие «антисоветские организации» из нескольких сотен человек. Такие групповые дела имели то преимущество, что легче выполнялся спущенный сверху план. Кроме того, если в группе из двухсот человек оказывался один действительно виновный (сжёг колхозный амбар, зарезал свою корову, чтобы не отдавать в колхоз, украл несколько килограммов зерна, сломал трактор или комбайн, да мало ли что!), то его объявляли конкретным исполнителем организованного вредительства, а остальных – членами преступной организации. Нарком перечисляет категории лиц, «подлежащих немедленному изъятию»: татарские националисты-фашисты, контрреволюционное духовенство, каратели, поляки, латыши, повстанцы и повстанческие группы». Как видим, людей сажали и расстреливали не за конкретную вину, а только за то, что они принадлежат к той или иной категории. А, скажем, националистом могли назвать уже за то, что пишешь на родном языке.

Нарком советует своему заместителю: «С этой публикой церемониться не следует». Они и не церемонились. Прменяли пытки голодом, жаждой (неде-

лю ни капли воды), бессонницей (человека ставили на «конвейер», и следователи, сменяя друг друга, допрашивали его неделями, не давая уснуть ни на минуту). Одним из самых безобидных способов считалась «выстойка». Человека ставили лицом к стене, носки на плитусе, руки вверх. И так – несколько суток. Ноги распухали так, что невозможно было снять сапоги, и их приходилось разрезать по голенищам. Существовали ещё холодный и горячий карцер, заключение в ящик. Если и это не помогало, человека просто били, раздавливали половые органы, засовывали раскалённый шомпол в анальное отверстие, стискивали голову железным обручем, закручивая винты; иной раз забивали до смерти, как, например, Шамиля Усманова, доводили до сумасшествия, как Г. Тулумбайского. А Солженицын, прошедший через подобные круги ада, подчеркивал, что возможности человека не беспредельны. Под пытками человек может подписать всё, что угодно. Не зря же в цивилизованных странах показания, вырванные под пытками, не считаются юридическим доказательством. А у нас гэпэушники руководствовались принципом генерального прокурора Вышинского: личное признание – царица доказательств.

Нередко люди признавались в самых чудовищных преступлениях (подготовка покушения на «вождя народов», отравление городского водопровода, шпионаж и пр.), только чтобы прекратились невыносимые мучения. Надеялись на то, что суд во всем разберется. Но суда-то как раз и не было. Судили так называемые «тройки», уделяя каждому не более пятнадцати минут. Нередко в день судили по 150–200 человек, причём большинство приговаривалось к ВМН, то есть высшей мере наказания.

И далее В. Михайлов продолжает: «Я думаю, что по линии только контрреволюционных националистических формирований мы должны взять 2–3 тысячи. Я буду просить 5–8 тысяч человек, так как мы работали слабо и уча-

сток ещё не начат». Каково, а? Ведь речь идёт о перевыполнении плана по арестам и убийствам. Михайлов просто хотел выслужиться и вроде бы преуспел в этом. Но ему это не помогло – лишние свидетели режиму были ни к чему. И 1 февраля 1940 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила В. Михайлова и М. Шелудченко к расстрелу. Приговор был немедленно приведён в исполнение.

Казачьи-разбойники

В одной из своих книг известный публицист и историк Булат Султанбеков размышляет о психологии палачей. (См.: Не навреди. Казань, 1999). Репрессии тридцатых годов напоминали ему игру в казаки-разбойники. Одни – удалые казаки – азартно ловили других – мнимых разбойников. Сажали, мучили, расстреливали. Кровашки пустили целое море. Наигрались досыта – на сто лет вперед, так что историки до сих пор не могут подсчитать точное число жертв. Так, по сообщению газеты «Комсомольская правда» (10 июня 1997 г.), за один только 1937 год арестовано около 4 миллионов 700 тысяч человек (население небольшого западноевропейского государства). 800 тысяч из них приговорены к высшей мере наказания. Без права апелляции и пересмотра приговора. Но нередко роли менялись. И тогда самих казаков ловили как разбойников. Сажали, мучили, расстреливали.

Общая же численность погибших за годы советской власти в результате Гражданской войны, голода 1921 года, вызванного не столько жёсткой засухой, сколько продрозвёрсткой, раскулачиванием, рассказыванием и, особенно, политическими репрессиями исчисляется историками в 40 миллионов человек. Это сопоставимо с тем, сколько было в те годы взрослого населения в таких мощных европейских странах, как Германия или Франция.

Когда сажали самих палачей, они тут

же признавались в любых преступлениях, в том числе и в антисоветской деятельности, ибо отлично знали, что устоять против чудовищных пыток невозможно. Понимали, что лучше сразу принять смерть.

Среди палачей попадались явные садисты. Один из таких, Сунгатулла Курбанов, добивавшийся признания в кратчайшие сроки, получил прозвище Колун. Он с подследственными не церемонился – раздевал догола, наступал кованым каблуком на половые органы и методично раздавливал их, пока человек не признается. Иногда для разнообразия зажимал пальцы дверью и нажимал плечом, то отпуская немного, то снова наваливаясь. Считался в органах на хорошем счету, так как процент «раскрываемости» у него был почти стопроцентный.

Но по большей части следователями были самые обычные люди. Даже не юристы, но непременно военнообязанные, вынужденные по долгу службы подчиняться приказам начальства. Не злодеи, но и не альтруисты. Зачастую одержимые мелким тщеславием, желанием выслужиться, получить приличный паек, более высокую зарплату и квартиру с мебелью, оставшуюся после осужденного.

Есть у человеческого ума особое свойство, размышляет Б. Султанбеков, которое можно назвать повышенной гибкостью или иезуитством – это уж кому как нравится. Любое самое чудовищное преступление против человечества можно оправдать для успокоения своей совести. Либо тем, что «мы – люди маленькие», а «начальству виднее». Либо тем, что все это делается «во имя высших целей». Следователи отлично понимали, что их жертвы ни в чем не виноваты. Но раз от них требуют осудить их во что бы то ни стало, они и осуждают, ибо к этому их обязывает «революционная дисциплина». При этом они были не прочь извлечь из своего положения и кое-какие выгоды. Скажем, человека давным-давно расстреляли, а они продолжали принимать от родных пере-

дачи. И с удовольствием лопали свежую выпечку, мясные пироги или беляши. И ведь кусок не застревал в горле!

До сих пор встречаются простаки, преимущественно старшего поколения, воспитанные в рамках коммунистической идеологии и убежденные в том, что во всем виноваты местные власти, а Сталин, мол, ничего не знал. Но сейчас уже опубликованы постановления политбюро ЦК ВКП(б) о массовых репрессиях, указы, решения пленумов и прочие документы, доказывающие, что всё делалось по приказу сверху. Указывались категории лиц, подлежащих репрессиям (классово чуждые элементы, кулаки, троцкисты, белогвардейцы, эсеры и прочие), а также контрольные цифры, обязательные к безусловному выполнению. Скажем, в июле 1937 года нарком НКВД Ежов подписал приказ, согласно которому в Татарской АССР нужно было выявить и осудить по «первой категории» (т.е. приговорить к расстрелу) 500 «врагов народа», а по «второй категории» (то есть осудить как минимум на десять лет) 1500 человек.

Местные же власти старались не только выполнить, но и перевыполнить план. Как показывает приведенное выше письмо наркома Михайлова, он просил увеличить лимит на аресты до 5–6 тысяч человек и получил добро.

Сталин, конечно, не желал «светиться» и отдавал приказы преимущественно устно, предпочитал действовать через своих ставленников – Ягуду, Ежова, Берия. А когда в них отпадала надобность, сам же убирал их. Но кое-какие следы всё же остались. На одну из официальных бумаг – просьбу руководства Омской области увеличить лимит по расстрелам до 8 тысяч человек – Сталин собственноручно наложил резолюцию: «...т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин». Как видим, одним росчерком пера отправить на уничтожение лишнюю тысячу человек для «великого вождя» ничего не стоило.

Если кто-то убьёт одного человека – он убийца, бандит и преступник. Никакие его прежние заслуги в расчёт не принимаются. А если убивают миллионы людей?